

Ли Цзикай

(Шэньсийский педагогический университет, Китай)

ВЗГЛЯДЫ ЛУ СИНЯ НА КУЛЬТУРУ «БОЛЬШОЙ СОВРЕМЕННОСТИ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: Лу Синь — это колосс, стоящий в поле культуры «большой современности» «постдревнего» Китая, а также «душа современной китайской нации». На этапе перехода от древности к современности он создал и сформировал собственный взгляд на культуру «большой современности» посредством интеграции древнего и современного, китайского и иностранного. Его понимание культуры обладает следующими особенностями: следует видеть изменения от древности к современности, величие китайского и иностранного, чувства людей; к тому же культура должна становиться сильнее благодаря переменам, открытости миру и великой любви. Все это ясно показывает то направление «новой культуры китайской нации», которое представлял Лу Синь. Те, кто посвящают себя изучению творчества писателя, обнаруживают в созданной им квинтэссенции культуры богатые идеи и дух, волей-неволей они с уважением именуют его «энциклопедией», а соответствующие исследования рассматривают как направление в науке — «лусиневедение». Подъем изучения творчества Лу Синя тесно связан со стремлением китайского народа к культуре «большой современности». Лу Синь, деятель культуры и идеолог, принял и развил те идейные ресурсы — древние и современные, китайские и зарубежные, с которыми соприкасался, творчески их переработал, интегрировал и сформировал собственный взгляд на культуру. Исходя только из одной культуры Лу Синя не понять, а если подходить к его творчеству только с позиций линейного или антагонистического мышления, то в понимании неизбежно возникнут неточности. Столкновение разнообразных культур, их интеграция сформировали его взгляды, тем самым заложив возможность для «китайского Лу Синя» выйти на мировой уровень.

Ключевые слова: Лу Синь, культурная интеграция, древнее и современное, китайское и иностранное, мировая культура, культурное мировоззрение, большая современность.

Li Jikai

(Shaanxi Normal University, China)

LU XUN'S VIEWS ON THE CULTURE OF THE "GREAT MODERN" FROM THE POINT OF VIEW OF CULTURAL INTEGRATION

Abstract: Lu Xun is a cultural giant standing in the cultural field of "post ancient" China's "great modern", and is "the soul of modern Chinese nation". In the period of "post ancient" historical transformation, he created and formed the "great modern" cultural view through the cultural running in of ancient, modern, Chinese and foreign cultures. His understanding of culture has the following features: one should see changes from antiquity to modernity, the greatness of chinese and foreign, and the feelings of people, besides, it should become stronger, thanks to changes, openness to the world and great love. All this clearly shows that the direction of "the new Chinese culture nation", which Lu Xun represented. People who devote themselves to Lu Xun's research have

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

found a very rich cultural thought and spirit from the cultural crystallization he created. They can't help but praise it as "Encyclopedia" and regard the corresponding research as "Lu Xue (Learning of Lu Xun)". The prosperity of "Lu Xue" is closely related to the Chinese people's pursuit of "great modern culture". Lu Xun, an individual of ideology and culture, accepted and created the ancient and modern cultural and ideological resources he came into contact with, and formed his own cultural thoughts through creative running in and integration. A single cultural resource can't make Lu Xun. Understanding Lu Xun with linear thinking or opposite thinking will inevitably lead to discrepancy. It is the meeting and running in of various cultures that made Lu Xun complete, and thus made it possible for "Chinese Lu Xun" to go to the world.

Keywords: Lu Xun, culture running in, ancient, modern, Chinese and world culture, cultural view, great modern.

Лу Синь — известный деятель культуры, сформировавшийся благодаря сочетанию древней и современной, китайской и иностранной культур, то есть «культурной интеграции», которая сделала его одним из ярких представителей современных китайских писателей. Появление такого человека отражает структуру и направление развития «новой культуры» современного Китая: его двусторонняя и даже многомерная идея «осознанного заимствования» — это не однообразный национализм или западничество. Его на первый взгляд радикальная, острая критика культуры в большинстве случаев отражает «культурную стратегию» и «культурную стилистику», воплощает процесс и закономерности культурного приобщения и по-прежнему приносит различные идеи и озарения, двигаясь в ногу со временем. Работы, в которых продолжается исследование выдвинутых Лу Синем идей, и ставшие общественным явлением высказывания, включая неверные и ошибочные толкования Лу Синя, а также разного рода легенды из интернета и жизни — все это относится к явлениям, возникшим и эволюционировавшим из «Лу Синя культуры» к «культуре Лу Синя» [1], динамичной, интегрированной, при этом открытой и сложной. Очевидно, неважно, как называть — «Лу Синь культуры» или «культура Лу Синя»; они на самом деле представляют собой богатую и многообразную культурную сущность в современной китайской культуре, которая к тому же обладает многочисленными и сложными характеристиками. Рассматривая Лу Синя с точки зрения этого «толерантного» столкновения культур, можно так же обнаружить «Лу Синя культуры», который часто кажется предвзятым и склоняющимся в одну сторону, но на деле несущим совместимость культур, и более того, можно постичь его взгляды на культуру «большой современности», появившиеся на этапе становления новой культуры.

1. ЗАИМСТВОВАНИЕ И СОГЛАСОВАНИЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ ВЗГЛЯДА ЛУ СИНЯ НА КУЛЬТУРУ «БОЛЬШОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Китайская культура имеет долгую историю, она глубока, многогранна, ее влияние огромно. Это влияние отразилось и на Лу Синя. Всем известно, что в Китае существует разница отношения к древним временам и современности: суще-

ствует блистательное, великолепное, разнообразное «великое прошлое» и имеется «большая современность», с ее трудными поисками и неустанной борьбой. Эта «большая современность» — объединение и наименование всех отрезков времени в «постдревнюю эпоху». Новое время, новейшее время, современность, о которых часто говорят, согласовываются и интегрируются в понятие «большой современности», отражая постоянное стремление китайской нации к модернизированному Китаю и его культуре. Так называемая культура «большой современности» — это объединенная, многообразная культура, в которой «древнее и нынешнее, китайское и иностранное стало современным». В ней есть наследование и развитие древней культуры, принятие и ассимиляция мировой культуры, а также постепенное усиливающееся международное распространение.

Причина, по которой академические круги говорят о «неисчерпаемости Лу Синя», заключается именно в том, что он является культурным гигантом, который часто вызывает воспоминания и размышления в трудном процессе создания в Китае культуры «большой современности». Он по-настоящему образованный человек, у него много имен, придуманных им самим (включая псевдонимы), а также данных ему народом (например, литератор, мыслитель, революционер, просветитель, деятель искусства и т. п.). Его жизненный опыт и литературный стиль — богатые, разнообразные и даже довольно сложные. Люди часто говорят об этом «богатстве», но на самом деле именно его сложность показывает более реального Лу Синя, а также экстернализирует сложную и многообразную «культуру литературных произведений» (все его тексты и рукописи), созданную им на протяжении всей жизни. Еще более удивительно то, что его богатое и даже сложное подлинное «я» и культура литературных произведений способны регулярно неожиданно «воскресать», и воскресают они в разнообразном внимании к ним и речах, порождая разного рода смыслы. Вытекающая из этого, или вторичная, «культура Лу Синя» (включая всевозможные исследования, адаптации, распространение в СМИ и т. д.) так же богата и сложна. Такого рода культурный гигант — богатый, сложный и способный воскресать — редко встречается в пространственно-временном континууме китайской «великой современности», он заслуживает глубокого и детального изучения на многих плоскостях и измерениях.

Каким же образом появился такой культурный гигант? Будучи деятелем культуры, он постепенно формировался в процессе интеграции древней и современной, китайской и иностранной культур; его гуманистический мир великого писателя и мыслителя постепенно преобразовывался на этапе «интеграции» этих культур; будучи человеком, который в повседневной жизни и общественной деятельности находился в постоянном поиске и практике, он не мог обойтись без мудрости, настойчивости и сожалений, вызванных сочетанием культур. В этот период в результате интеграции разных культур появились не только уникальные творения культуры, но и выявились различные противоречия, недостатки и даже ошибочные суждения из-за трудностей в процессе интеграции культур. Генеалогия знаний Лу Синя формировалась путем накопления знаний о культуре древности, современности, Китая и других стран, а состав его идео-

логической культуры/литературы появился благодаря синтезу и урокам, извлеченным из культурных концепций и доктрин. В них есть и следы влияния традиционной духовной культуры, включая конфуцианство, даосизм, буддизм, моизм, и свойственные им идеи формирования человека и государства, стиль династий Вэй и Цзинь, любовь к семье и стране, идеи из таких произведений Лу Синя, как «Отказ от нападения» и «Покорение стихии». Также на них повлияли иностранные идеи, например Дарвина, Ницше, Толстого, и зарубежное искусство: романы, гравюры и кино. Крайне сложная и суровая повседневная жизнь и реальная культура наделили его богатым опытом, дали сильный стимул и неисчерпаемые знаки... Лу Синь попытался объединить все это в единую силу культуры, чтобы по-настоящему стимулировать ход модернизации для формирования человека и страны, для просвещения и спасения. Его идеи «об односторонности культуры», «о силе сатанинской поэзии», «о просветительской литературе и искусстве», «о формировании человека и государства», теория каннибализма, осознанного заимствования, сопротивления отчаянию, спасения детей и хребта народа — все это дискурсивная система, рожденная в контексте древней и современной, китайской и иностранной культур, она обладает характерными свойствами культурной риторики, соответствующей конкретному контексту. Например, его идея «осознанного заимствования» на самом деле является классической теорией «сочетания культур». В своем знаменитом эссе «О том, как брать» Лу Синь подчеркивал, что нельзя выбирать пассивный «изоляциялизм», в то же время не следует по собственной инициативе, униженно «дарить», необходимо твердо придерживаться двустороннего «осознанного заимствования»: «Мы должны брать сами и брать с умом», «Следует «брать». Что-то использовать, что-то оставлять, а что-то и уничтожать. С новым хозяином и дом обновится. Но в первую очередь сами люди должны покончить с эгоизмом, стать упорными, мужественными и требовательными к себе. Если мы не сумеем брать, не сумеем и возродиться. И наша литература не обновится, пока мы не научимся брать» [2, с. 40]. Очевидно, что культурные ресурсы, которые могут быть «привнесены», по мнению Лу Синя, есть в Китае и за рубежом, были и в древности, существуют и сейчас.словно одновременно видимый и невидимый дом, в котором сменился хозяин, произошла трансформация культуры; так появился новый «дом»: новая культура, новое искусство и литература. На самом деле Лу Синь отстаивал концепцию соединения культур при «осознанном заимствовании», что проявилось довольно отчетливо еще в его многочисленных работах, написанных после того, как он бросил медицину и занялся литературным творчеством («История человека», «О силе сатанинской поэзии», «Чему учит история науки», «Об односторонности культуры», «О сокрушающих зло голосах»). Например, в статье «Об односторонности культуры» он писал: «Эти мудрецы должны постичь мировые тенденции, оценить, сравнить, убрать пристрастность, взять их просветленный дух, применить в своей стране, и все будет в полной гармонии. При контакте с внешним миром мы не должны отставать от ведущих идей, внутри страны мы не должны забывать своих корней; если поймем сегодняшнее и обновим старое, создадим новую

основу, углубляя смысл жизни, то при пробуждении самосознания нации и создании личности Китай из конгломерата) превратится в государство людей. Когда государство людей будет построено, оно будет мощным и беспрецедентным, непоколебимо стоящим в одиночестве в этом мире, разве же останутся тогда поверхностные, пошлые вещи?» [3, с. 56].

Мудрецы, о которых говорит тут Лу Синь, должны придерживаться идей культуры, которые как раз и являются идеями «большой современности», происходящими из интеграции прошлого и настоящего, китайского и зарубежного, в них проводником и основой являются мировые веяния и осознанное заимствование. Путем оценки и сравнения, а также бесконечной интеграции они стремятся к надлежащей адаптации, идеальному сочетанию, вследствие этого необходимо заимствовать из современного и возвращаться к прошлому, приравниваться к изменениям и быть частью общества, создать новую культуру с богатой современной коннотацией и без потери источников внешней и внутренней культуры. Эта «новая основа», которая прошла период становления и реконструирования, и воплощает величие духа интеграции старого и нового, китайского и зарубежного, а также незаурядную энергию для создания направлений новой культуры. В то время у молодого Лу Синя было именно такое видение и идеалы, достойные похвалы. Автор данной статьи когда-то отмечал следующее [4]:

С одной стороны, те, кто требуют «брать», обладают достаточным кругозором для сравнения культур и прекрасными субъектными качествами. В то же время, с другой стороны, без возможности «брать» и творчески трансформировать они не могут сформировать широкий культурный кругозор и создать лучший культурный объект. Это — своего рода культурный парадокс. Решение этого парадокса основывается на непрерывном и смелом «заимствовании», диалектическом сравнении и культурной практике. По мнению Лу Синя, субъективные качества «берущих» могут быть получены из культурного потенциала нации, они развивают дух культуры эпохи Хань и Тан, когда шло «заимствование у других». Также они могут быть получены путем постижения передовой зарубежной культуры — изучением прометеевского духа полной самоотдачи и творческого духа буддийского божества. Сам Лу Синь, будучи человеком, который умел талантливо «брать», получил эту способность и богатые культурные результаты, благодаря такому глубокому восприятию наследования и опыту заимствования. Лу Синь выразил свои мысли о методах сравнения культур в своей статье «Об односторонности культуры»: «Первое, что нужно делать, — это исследовать самого себя, а также непременно нужно уметь разбираться в людях; если сравнение будет тщательным, тогда оно породит самосознание». По его мнению, следует противостоять отсутствию знаний о характере Китая, так же как и незнанию европейской и американской действительности. И только таким образом можно утвердить парадигму новой культуры: «...вовне она не уступает мировым идейным течениям; внутри, как и раньше, не утрачивает присущее ей родство». Такой подход имеет большое значение с точки зрения методологии культуры, а не только применим к одной стране или одному конкретному времени.

Стоит отметить, что, говоря о более позднем сборнике Лу Синя «Старые легенды в новой редакции» и статье «Потеряли ли китайцы веру в себя?», мы пола-

гаем, и этому есть много оснований, что Лу Синь сам был выдающимся представителем многочисленных культурных идей и элементов, и потому его идеи зачастую трудно аргументированно объяснить только одними «-измами» (например, индивидуализмом или коллективизмом) или «теориями» (например, эволюционной или классовой теорией). В его текстах — как в полемических статьях, так и в творческих, литературных сочинениях — раскрывается культурный субъект «интеграции культур». Взгляды Лу Синя на культуру на протяжении его жизни были целым миром или густыми зарослями идей, неразрывно связанными с «идейным веянием интеграции культур» [5], возникшим в период «постдревности». Более того, у нас есть причины подчеркнуть, что авангард «движения 4 мая», представителем которого был Лу Синь, на самом деле вовсе не отрицал полностью свою традиционную культуру, не говоря о беспощадном неприятии культуры, пришедшей извне. В действительности они изучали путь интеграции культур, стремились восстановить современную, космополитическую, энергичную культурную экосистему.

2. ИДЕИ И МЕТОДЫ: СТРУКТУРА ВЗГЛЯДОВ ЛУ СИНЯ НА КУЛЬТУРУ БОЛЬШОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Лу Синь постепенно выстроил свои собственные взгляды на культуру «большой современности» в «постдревнем» времени и пространстве. При этом слово «большая» здесь — из-за изменений представлений о культуре в прошлом и настоящем, величины территории самого Китая и внешнего мира, чувств людей (а именно: величие через изменения, открытость миру и великую любовь), а также это слово связано с тем, что содержание представлений Лу Синя о культуре постепенно расширялось и увеличивалось в динамической конструкции: от ближнего к дальнему, изнутри и снаружи. Он двигался от ближнего к дальнему, от китайского к зарубежному, постоянно осуществляя интеграцию, поэтому он смог изменить дух литературы, смог «вырезать дракона литературной мысли», смело взял на себя моральные принципы, искусно сочинял литературные произведения. Будучи подростком, Лу Синь в основном принимал и впитывал культуру родного города Шаосина, позднее он начал движение от ближнего к дальнему, побывал в разных местах, странствовал на чужбине. В Нанкине он познакомился с эволюционной теорией и образованием в области науки, технологии и культуры, он учился в Японии, на него повлияли различные современные культуры, включая японскую и русскую. В результате этого у него сформировался свой, более полный, взгляд на идеи и культуру, в котором главенствующую роль играла эволюционная теория. После этого его взгляды развивались и менялись, а когда Лу Синь обосновался в Шанхае, у него сформировалась богатая и сложная идеологическая система, а именно — представление о «более обширной» культуре большой современности. Научное сообщество много обсуждало эту систему, в рамках данной статьи нет необходимости вдаваться в детали. Автор лишь дает здесь краткий комментарий о трех основных направлениях культурных пред-

ставлений, воплощенных в богатой и сложной системе культурных концепций Лу Синя, а также об адаптированных к ней способах/методах мышления, раскрывая выдающиеся особенности взглядов Лу Синя на культуру «большой современности» с точки зрения идей и методов.

Во-первых, это критика феодальной культуры, основанная на представлениях о культуре «большой современности». Люди часто полагают, что Лу Синь — представитель сторонников вестернизации, который умело критикует имеющую длительную историю китайскую культуру, просто применяя к ней западные концепции, поэтому чем острее его критика, тем серьезнее проблема. На самом деле использованное Лу Синем для критики феодальной культуры идеологическое оружие — это построенные им, рожденные в процессе интеграции взгляды на культуру «большой современности», они обладают мощью и взрывной силой, возникающих в ходе комплексных инноваций. Нам известно, что во время подъема «движения 4 мая» Лу Синь был уже в зрелом возрасте, особенно по сравнению с «новой молодежью» поколения «движения 4 мая», — ему было около сорока лет, и он уже пережил множество неудач на своем жизненном пути. Он аккумулировал и развил достаточно зрелые взгляды на культуру «большой современности». Исходя из этого, он произвел чрезвычайно глубокие наблюдения и размышления о феодальной культуре, накопившей множество пороков и причинявшей вред стране и народу. Именно поэтому Лу Синь разразился целым рядом статей и литературных произведений и стал представителем авторов, основательно критикующих феодальную культуру, или знаменосцем новой культуры. Мао Цзэдун в своем классическом произведении «О новой демократии» дал высокую оценку Лу Синю, назвав его «величайшим и отважнейшим знаменосцем» новой армии культуры «движения 4 мая», а также признал, что «Лу Синь был кормчим культурной революции в Китае. Он был не только великим писателем, но и великим мыслителем и великим революционером. Лу Синь был человеком крепкой кости, в нем не было ни тени раболепия и пресмыкательства, а это является драгоценнейшим качеством для людей колониальных и полуколониальных стран. Лу Синь был самым безупречным, самым отважным, самым решительным, самым преданным, самым пламенным, невиданным дотоле национальным героем, который, представляя большинство народа, штурмовал позиции врага на фронте культуры. Направление Лу Синя — это направление новой культуры китайского народа» [6, с. 698]. Если смотреть на Лу Синя с точки зрения культуры, Мао Цзэдуна тоже можно назвать не имеющим себе равных другом Лу Синя. Он одобрял его и соглашался с ним, а не лгал о нем. Благодаря мощи Лу Синя как литературного деятеля, мыслителя и революционера Мао Цзэдун признал его знаменосцем новой армии культуры «движения 4 мая», он представляет собой направление развития новой культуры китайской нации. Новая культура Китая — это культура «большой современности», которая является культурой Китая «постдревности»; это также современная культура, в которой смешалось, интегрировалось древнее и современное, китайское и иностранное. С XIX по XX в. волна модернизации человеческого общества уже распространилась от некоторых частей Европы на весь мир. Что

касается Китая XX в., то процесс его модернизации наиболее заметно проявился в расцвете культурных идейных веяний и волнах политических революций. В то время и Китай культурный, и Китай политический находились на стадии поиска своего пути. Лу Синь стремился продемонстрировать свой критический подход к феодальной культуре, долгое время порабощавшей народ, посредством идеологического просвещения и особенно с помощью критики национальных пороков. Он рассматривал феодальную культуру, долгое время накапливавшую серьезные пороки, как «культуру каннибализма», порабощавшую народ и разъедавшую души. Кроме того, с помощью своего литературного стиля Лу Синь визуализировал ее и обнародовал существующие исторические записи «о каннибализме»: «Пиршества из человеческой плоти бесчисленного количества людей — взрослых и маленьких — устраивали всегда, с начала цивилизации и до настоящего времени» [3, с. 217]. Множество людей живет в «железной камере», где «нет ни окон, ни дверей; в камере, которую невозможно сломать», они не осознают, как трагична их судьба. Китайский «простой народ, хилый и увядший, словно пробивающаяся из-под огромного камня трава... жил в молчании» [7, с. 82]. В сборнике «Горячий ветер» Лу Синь писал: «Каждый наш шаг, каждое движение кажется самостоятельным, но на самом деле нас сдерживают призраки умерших» [3, с. 313]. В таких условиях инертность культурного мышления на уровне рода, клана, предков приводит к отсталости и застою мышления народа, феодальная закрытость вызывает душевную закрытость страны и души народа, а в результате этого широкие народные массы не в состоянии идти в ногу со временем; ни в своем поведении, ни своими привычками, ни ценностями, ни концепциями они не могли вступить в пространственно-временное измерение современной культуры «постдревности». Негибкость, невежество самосознания индивидов, а также слабость, размытость коллективного сознания страны вызвали к жизни людоедскую трагедию, воспринимавшуюся как должное, и бесконечный поток унижительных договоров. Вышедшие из-под пера Лу Синя многочисленные рассказы, такие как «Записки сумасшедшего», «Кун Ицзи», «Снадобье», «Завтра», «Рассказ о волосах», «Родина», «Подлинная история А-кью», «Блеск» и др., со всей глубиной показали, как феодальная культура порабощает и контролирует души людей. Яркие персонажи его произведений, А-кью, Хуа Лаошуань, Айгу, тетюшка Сянлинь, Жуньту и др., описание их человеческих трагедий показали реальность, в которой феодальная культура «жестоко и при этом изящно поедает людей». Очевидно, что Лу Синь прекрасно разбирался в критике культуры, предложив анализировать культуру и при этом анализировать самих себя, только так можно прийти к осознанию современной культуры и избавиться от феодального диктата норм конфуцианской морали, убрать затруднения, связанные с «духом моральных побед» (называемом также «акьюизмом»), и таким образом, получится культурный рационализм, основанный на «культуре большой современности». Суть культурного рационализма и уверенности в своей культуре Лу Синя заключается в активной рефлексии и реконструкции, а вовсе не в слепом разрушении и уничтожении.

Во-вторых, это наследование культур из разных источников, основанное на концепции культуры «великой современности». Лу Синь, безусловно, прилагал силы для переоценки и анализа идеологической и социальной культуры феодальной природы, с этих позиций он является выдающимся представителем классической «школы культурного анализа». На самом деле он перенял и даже развивал китайскую традиционную культуру и в особенности ее превосходные образцы. Например, Лу Синь активно наследовал и развивал такие элементы традиционной культуры, как вовлеченность в жизнь общества, чувства к своей родине, стойкий дух, деловой настрой, он также приумножал региональную культуру, включая культуру района правого берега Янцзы — Цзяннани и провинции Чжэцзян, а кроме этого, оказавшую глубокое влияние конфуцианскую культуру и философию моистов, и делал это чрезвычайно эффективно. Например, выдающаяся культура древности, унаследованная Лу Синем, действительно заслуживает исследования. Общеизвестно, что хотя древняя культура Китая насчитывает много веков, но «постдревняя» культура не такая давняя — при жизни Лу Синя она (также именуемая «новой», или «современной культурой») находилась еще на своем начальном этапе становления. Для создания новой культуры поколение Лу Синя многое заимствовало у иностранных культур, в особенности используя источники современной иностранной культуры. Такая ситуация, как было сказано выше, была ключевой и необходимой. Однако, чтобы эффективно решить китайскую проблему, действительно следует осуществить соответствующим способом адаптированную китаизацию путем культурной интеграции. На самом деле у Лу Синя глубокие отношения с выдающейся древней, традиционной культурой Китая. В Китае имеются сильные культурные традиции образованных людей, которые всегда испытывали глубокие чувства к семье и стране и были опечалены судьбой народа. Детальнейшее постижение Лу Синем литературного творчества периода правления династий Вэй и Цзинь (220–420 гг. н.э.) показало, что у него есть свои собственные, обоснованные, имеющие глубокое влияние историческая преемственность и наследие. Традиционная идеологическая культура конфуцианства, даосизма, буддизма, моизма также оказала влияние на Лу Синя. Традиционная конфуцианская культура, созданная Конфуцием и Мэнцзы, подобно соли, попавшей в воду, пропитывали душу Лу Синя с самого его детства. Классический конфуцианский канон «Великое учение» устанавливал для образованных людей жизненные цели, такие как совершенствование самого себя, порядок в семье и в Поднебесной. Испокон веков влияние этого учения было значительным и далеко идущим. Это закон национальной культуры и ее самосознание. Какой бы извилистой ни была история, тихий голос преемственности был непрерывно слышен всегда. Например, звучно и постоянно звучали такие высказывания: «Кто живет во дворце — печалится о народе, кто живет на лоне природы — беспокоится о государе» (Фан Чжунъянь); «Нужно утверждаться в своих намерениях ради Поднебесной, совершенствоваться морально ради народа, продолжать изучать забытое учение ради мудрецов древности, создавать спокойствие ради множества поколений» (Чжан Цзай); «На железных плечах

держатся моральные принципы, золотые руки пишут литературные произведения» (Ли Дачжао) и т. д. Эта давняя традиция высоких идеалов и достойных людей также формирует культурную атмосферу, вдохновляя современных литераторов, таких как Лу Синь, «не бояться предшественников», «своей кровью выражать любовь к родоначальнику китайской нации», твердо и решительно выполнять свою историческую миссию. Автор данной статьи также заметил, что в последние годы китайские научные круги обращают большое внимание на взаимоотношения между современной литературой, традиционной культурой и культурой регионов, а Лу Синя рассматривают в качестве объекта исследования. Даже во время продолжающейся эпидемии коронавируса нового типа соответствующие научные исследования по-прежнему ведутся. Например, когда в материковой части Китая эпидемия уменьшилась, на гуманитарном факультете Шанхайского педагогического университета 24–25 октября 2020 г. проводился научный семинар «Лу Синь и культура Цзяннани». Семинар был сосредоточен на освещении связи писателя и культуры исторической области Китая, Цзяннани. Фактически Лу Синь, будучи уроженцем Шаосина (провинция Чжэцзян), еще до поездки в Японию жил в Цзяннани, культура которой повлияла на него, наложив свой отпечаток на его жизненный опыт и культурные познания. Однако сама культура Цзяннани также развивалась и претерпевала изменения, двигаясь по исторической орбите от древнего к современному. Лу Синь, вернувшись из-за границы, жил и работал в провинции Чжэцзян и в Шанхае. Он внес свой вклад в модернизацию культуры Цзяннани своими словами и делами, в особенности работой в сфере культуры и искусства, включая литературное творчество, пропаганду искусства, кино, а также критику культуры. В ходе этого собственные накопления Лу Сином ресурсов культуры Цзяннани и связанное с этим идейное осознание также сопровождалось процессом культурного аккумулирования и интеграции. Например, богатая культура Цзяннани может быть отражена в сценах повседневной жизни и духовных характеристиках пресонажей произведений данного региона. В таких рассказах, как «Кун Ицзи», «Снадобье», «Моление о счастье», «Родина», «Подлинная история А-кью», «Деревенское представление» и т. д., читатели могут понять, прочувствовать повседневную жизнь людей, живущих в Цзяннани, и их культурный облик. Стоит подчеркнуть, что Лу Синь описывал культуру Цзяннани, не только целиком и полностью одобряя и восхваляя ее, он дал глубокое описание отсталости и невежества, существующего в поведении и духовной культуре жителей этого региона, такие описания понижают его анализ и критику культуры. Даже в более поздние годы он глубоко переосмысливал и критиковал популярную в то время в Шанхае так называемую «культуру шанхайского стиля», из его работ видны его взгляды на современную культуру, которые сыграли стимулирующую роль в здоровом развитии модернизации культуры Цзяннани. Как было сказано выше, принятие и интеграция культуры как раз и должны выходить за рамки времени, пространства и границ, потому что только лишь в границах традиционной «культуры Цзяннани» невозможно создать культуру «большой современности», также бессмысленно и креп-

ко держаться за традиционную конфуцианскую культуру. Поэтому в наше время актуальными остаются перевод, комментарии и даже дискуссии.

В том, что касается распространения и возрождения культуры, Лу Синя можно назвать «послом культуры», имеющим международный и передовой характер. Он действительно сознательно переводил произведения многих зарубежных авторов и еще более осознанно учился у многих из них, однако он не пошел по уже готовому пути, он всегда, заимствуя, перерабатывал и предлагал свой, оригинальный вариант. Даже когда Лу Синь писал на обычные темы из жизни деревни и города, в фокусе его внимания всегда находилось его собственное, оригинальное открытие, в этом его очевидное отличие от иностранных авторов и его современников. Если говорить о влиянии культурного разнообразия, то Лу Синь создал свой собственный мир культуры и литературы, в котором «древнее, настоящее, зарубежное и китайское превратились в современное». Его взгляды на культуру и литературу сформировались и под влиянием Европы, Америки и Японии, также на них повлияли русская литература и культура и, конечно, собственно китайская (это уже само по себе показывает комплексное влияние многих аспектов всех сторон света). Мир культуры и литературы Лу Синя обширен, что, очевидно, связано с его рациональной идеей построения культуры «большой современности», в которой интегрированы древняя, современная, китайская и иностранная культуры, что отражено в его произведениях, таких как «Об односторонности культуры». Например, многие ученые в академических кругах стремятся найти связь «Записок сумасшедшего» Лу Синя и одноименного произведения Гоголя, выводя исследование влияния и параллельных процессов на высокий уровень. Однако, по мнению автора данной статьи, сравнительное исследование Лу Синя и Гоголя может показать, что это классический пример взаимовлияния и интеграции русской и китайской культуры/литературы. Общие исследования и анализ примеров из русской литературы и произведений Лу Синя могут поставить серьезные и ценные научные задачи. Как писал профессор Юй Вэньсю, «согласно статистическим данным, Лу Синь перевел и прокомментировал более 37 русских и советских писателей, которые занимают первое место среди переведенных им иностранных авторов. Принимая и ассимилируя китайское и зарубежное культурное наследие, Лу Синь всегда с ясным умом и независимым анализом отталкивался от идеи «осознанного заимствования» в качестве платформы; он не только демонстрирует неразрывную, преемственную связь с китайской классической литературой и искусством, но и одновременно с этим впитывает творческий опыт русских писателей критического реализма, демонстрирует открытость и опережающее развитие своей литературной мысли, показывает ценные духовные запросы и поиски великого писателя и секрет его успеха для последующих поколений, а также дает классический пример, которому можно подражать» [8]¹.

---

¹ Лу Синь увлекался переводом таких выдающихся произведений, как «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Разгром» А. А. Фадеева, он активно осуществлял культурный обмен между Росси-

В-третьих, это создание новой культуры на основе культуры «большой современности». Благодаря критике культуры, ее преимственности, то есть благодаря эффективной культурной интеграции реализуется двустороннее «осознанное заимствование», и, что особенно важно, задается новое направление для инноваций в области культуры посредством творческой трансформации традиционной культуры. В период «движения 4 мая» появление и развитие борьбы за новую культуру следовало за «движением» зарубежной и традиционной культур. Без постоянного внедрения и творческой переработки зарубежной культуры и без постоянной защиты и активизации традиционной культуры на самом деле не было бы динамического роста и зрелости «движения за новую культуру». Глядя на самого Лу Синя, мы можем сказать, что он является человеком, переосмысливавшим и критиковавшим китайскую культуру, но в то же время ее защитником и наследником, сложным и многосторонним «культурным гигантом», сформированным путем интеграции древней, современной, зарубежной и китайской культур. Даже если говорить об одной из его трех ипостасей (литературный деятель, мыслитель, революционер), то автор данной статьи полагает, что как революционер Лу Синь является им в особом значении, суть которого в основном заключается в том, что у него не просто было революционное поведение в созданном им собственном стиле, но и уникальные взгляды на революционную культуру. По его мнению, революция — дело, приносящее пользу всей стране и народу, оно делает людей живыми, и при этом оно конкретное, целенаправленное и эффективное, бессмысленно заниматься только одной революцией. У Лу Синя есть знаменитая скороговорка о революции, контрреволюции и не-революции, в которой он предупреждает о простых циклах насилия в революции, и это предупреждение завуалировано проявляется в последней строке: «Революция, рев-рев-революция, рево-рев-рев-революция, рев-рев...» [9, с. 556]. Лу Синь также сказал, что «только у нового пролетариата есть будущее», и это рассматривается некоторыми людьми как подтверждение того, что писатель был приверженцем классовой теории. На самом деле в его постепенно сформировавшейся концепции культуры «большой современности» присутствуют просвещение и революция, пролетариат и основатели компаний, эта концепция полна мудрого взгляда на подробный анализ конкретных проблем. Автор данной статьи полагает, что пролетарий в понимании Лу Синя — это вовсе не обожающий насилие человек, у которого ничего нет, он является основной силой, создающей материальную, духовную и институциональную культуру. Понятие «пролетарий» тесно связано с понятием «коммунист», оно признает и претворяет в жизнь теорию коммунизма, основная суть которого — совместное использование. Потому что пролетарии, у которых действительно есть высокие идеалы и помыслы, не являются спекулянтами и захватчиками в духе А-кью: «Что хочу, то и получу, кто нравится, тот и будет моим». В современном мире слишком много неверно-

---

ей и Китае. Лидеры КНР Мао Цзэдун и Си Цзиньпин уделяли внимание достижениям Лу Синя в этой области и высоко оценивали их.

го толкования таких понятий, как «пролетарий», «коммунист», «революционер» и «коммунизм». Здесь я хочу подтвердить, что Лу Синь, которого Мао Цзэдун называл «великим деятелем китайской культурной революции» [6, с.702], обращает особое внимание на активную пропаганду и соответствующее понимание революционной культуры, которое в полной мере отражает его размышления о принципе «адаптации, умеренности и соответствия» культурной интеграции. В сложном процессе исторической эволюции Китайской республики обладание такими соображениями «ясного реализма» исключительно ценно, и это особенно верно и до сих пор. Иными словами, Лу Синь, будучи революционером, был не политическим, а культурным революционером, на культурном фронте он мог встать во главе войска, броситься в атаку, вести сражение, выйти из любого окружения в том, что касается культуры, и вследствие этого он подчеркивал мощь печатного слова, ранищего, как «кинжал» и «копье». В этом процессе Лу Синь действительно внес важный вклад в современную «революционную культуру». Некоторые люди в академических кругах и в обществе признают заслуги Лу Синя в критике старой культуры и старого Китая и их «разрушении», но они не видят его успехов в созидании нового. Достижения Лу Синя в сфере современной культуры/литературы автор излагал в таких своих работах, как «Наблюдения мудреца» и «Культура и творчество в китайской литературе XX века», а также разъяснял в других статьях, что Лу Синь по достоинству считается «душой современной китайской нации», он построил оказавшую глубокое влияние парадигму современной жизни на основе трех новых принципов: пропаганды сознательности людей, заботы о семье и создания образного мира, Лу Синь также был образцом литературного труда современного образованного человека. Поэтому в рамках данной статьи мы не будем снова рассматривать эти аспекты (см.: [10–13]).

3. СТРАТЕГИЯ И СТИЛИСТИКА: ВЫРАЖЕНИЕ ВЗГЛЯДА ЛУ СИНЯ НА КУЛЬТУРУ «БОЛЬШОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Тщательное обдумывание культурной стратегии и стилистики Лу Синя — это довольно актуальная задача. Каждый человек живет в определенном времени и конкретной языковой среде, и то, как реагировать на насущные и реальные потребности времени и при этом высказывать свое мнение, — это проблема, которая заботила «реалиста» Лу Синя, и для столкновения с которой требовалась его мудрость. Каким образом можно «своей кровью выражать любовь к родоначальнику китайской нации»? Настойчивый «отказ от медицины и занятие литературным творчеством» — это ключевой культурный выбор. Итак, что же такое «заниматься литературным творчеством»? Каким именно? Эти вопросы требуют пристального внимания к культурной стратегии и стилистике Лу Синя. Очевидно, для того, чтобы изменить давно накопившуюся отсталость государства и просвещать народ, находящийся в стадии культурного невежества, требовалось проделать большую работу в разных направлениях. В то время Лу Синь

мог выполнять самые разные виды работы, но он был уверен, что «занятия литературным творчеством» были самыми важными, поэтому длительное время «отказывался от медицины», «отказывался от политики», «отказывался от занятий образованием» ради литературного творчества. Он с нетерпением ожидал, что таким образом сможет достичь своей цели — усовершенствования общества и улучшения жизни народа. Он так писал о своих творческих мотивах: «Тут я понял, что медицина не так уж важна, а смерть от болезни — не самая страшная участь. Если в массе своей народ невежествен, любой человек, самый рослый и самый сильный, может либо оказаться в числе бездумных зевак, либо быть выставлен на позор. Первой необходимостью я стал считать тогда духовное возрождение и лучшим средством для него — литературу» [3, с. 417]. В результате Лу Синь свою основную энергию направил на движение за литературу и искусство и на литературное творчество, особенно во время «движения 4 мая» и создания «Лиги левых писателей», от своего появления в литературных кругах до ведущей позиции в литературе левого крыла Лу Синь опубликовал целый ряд значимых повестей и острых эссе, которые стали знаковыми шедеврами современной китайской литературы.

Культурная стилистика на самом деле представляет собой культурный дискурс, обладающий глубоким скрытым смыслом, ее эффект или реальное влияние достаточно велико, культурные коннотации сложные и даже спорные, однако она обладает воспроизводимостью, способна непрерывно появляться, в ней заложен неисчерпаемый смысл. Стилистика культуры также может создавать эффект чисто языковой литературной выразительности, незабываемой и с яркими образами. На самом деле это может быть персонаж, образ или мир символов, культурный дискурс, позволяющий людям оживить воображение. Лу Синь, находившийся в процессе становления «великой современности», является корифеем современной китайской литературы, его произведения обладают глубоким смыслом, широким спектром многогранных идей и художественных стилей, его наиболее сильной стороной является стилистика культуры с далеко идущими мыслями. Он мастер стилистики; обычные слова, выходя из-под его пера, часто обладают особым настроением, показывают иной мир, обладают содержательностью и иносказательностью, остроумием и экспрессивностью, они демонстрируют читателю богатую палитру культурной стилистики. Будучи выдающимся писателем своего времени и пространства, Лу Синь, естественно, хорошо владел современной стилистикой китайского языка, которая и является основой его «культурной стилистики». Этот термин, о котором говорит автор данной работы, относится конкретно к использованию уникальных концепций или образов для выражения стратегии культуры и критики культуры, они могут усилить эффект средств языкового выражения и одновременно повысить эффективность культурной коммуникации. Таким образом, так называемая культурная стилистика — это не только принятые в литературе метафоры, гиперболы, параллелизмы, антитезы, вопросы-ответы, риторические вопросы, анадиплосисы, сопоставления, повторы, антифразисы и т. д. Этот термин, скорее всего, относится

к конкретному изображению, тесно связанному с «лейтмотивом культуры», обладает богатым и значительным смыслом, его стилистический эффект велик. Например, Лу Синем были созданы такие понятия и образы, как «каннибализм», «пампушки с человеческой кровью», «железная камера», «прохожий», «А-кью», «акьюизм или дух моральной победы», «поддельный заморский черт», «упавшая в воду собака», «светильник», «осознанное заимствование», «хребет» и т. п. Все эти тщательно продуманные писателем концепции и символы являются стилистическим выражением, тесно связанным с темами культуры, они созданы умышленно и пропитаны размышлениями о направлении стратегии культуры. Это также верно и в отношении его «резкости». И в прошлом, и сейчас постоянно шла речь о «резкости» Лу Синя, он и сам иногда говорил о своей язвительности. Специально ли он выбирал радикализм и резкость в процессе культурного осознания? При конкретном анализе некоторые люди действительно отрываются от исторического времени, пространства и особой языковой среды, упрекая Лу Синя в разного рода проблемах языкового выражения, свойственного тому времени. Есть даже те, кто специально изучает дискурс писателя в контексте новой эпохи и языковой среды, но неуместно нападают на некоторые непривычные им явления, как будто «они» сами стали «воплощением» или «потомками» Лу Синя. Такие неуклюжие «подражатели» не только не могут повысить уровень распространения «культуры Лу Синя» и сохранить его имидж «души современной китайской нации», но несвоевременность их резких слов и поступков наносит ущерб имиджу писателя и сбивают с толку общество. На самом деле острая критика и даже так называемая резкость Лу Синя как раз и воплощает культурную стратегию и стилистику, которые он избрал для сближения с требованиями той эпохи и достижения своих культурных целей. Они в полной мере отражают его стратегию культуры, на которую он радикально, бурно, но мудро реагировал. То есть чтобы понять историческую ситуацию того времени и выбор Лу Синем определенной стратегии, следует максимально поставить себя на его место, вернуться в ту историческую языковую среду и даже иметь понимание степени резкости. Например, многие из «чересчур экспрессивных», «решительных», «резких» высказываний Лу Синя становятся символами в определенную эпоху и в конкретной языковой среде, они оказываются продуктом мышления культурной стратегии и воплощаются в стратегически сильном дискурсе и искусной стилистике. Самый известный и типичный пример — это его критика «культуры каннибализма» и «крика в железной клетке». Академические круги и общество бесконечно спорят по этому поводу и никак не могут прийти к единому мнению. В действительности Лу Синь и в своих эссе, и в своих повестях раскрывает определенные отрицательные функции феодальной культуры, идентифицируя ее как культуру, «блокирующую» человечность, индивидуальность и подавляющую женщин. В таких повестях, как «Записки сумасшедшего», «Моление о счастье», «Кун Ицзи», «Снадобье», «Скорбь по ушедшей», «Развод» и т. п., посредством литературных символов, метафор, сатиры и других стилистических приемов такие деспотические и жестокие законы феодальной культуры, как «сохранение мо-

ральных принципов, уничтожение человеческих желаний», которые он исследует и которых придерживается на практике, обобщенно называются «культура каннибализма». В период «движения 4 мая», несомненно, было крайне необходимо дать такое определение, и даже если это определение было «чудовищно», оно все равно соответствовало потребностям развития того времени. Призывы «разрушить железную клетку», требования «спасти детей, женщин, интеллигенцию», очевидно, тоже были «культурной миссией», данной временем, а Лу Синь — одним из «воинов культуры», взявшим на себя эту задачу и миссию. Многие из его высказываний являлись отражением этой его роли «воина культуры». Поэтому мы можем обратить особое внимание и на радикальную эпоху, которую и хвалят, и осуждают, и на стилистику дискурса Лу Синя. В то же время мы должны разобраться в причине появления такого дискурса в процессе культурной интеграции, оценить стилистические эффекты, также следует глубоко проанализировать и понять изменения контекста времени и множественные значения слов Лу Синя. Например, автор данной статьи и его коллега-ученый предложили неисчерпаемую тему «Лу Синь и “движение 4 мая”» и провели всекитайскую научную конференцию, где глубоко обсудили эту тему, по результатам был издан сборник материалов конференции [14]. Там обсуждалось множество аспектов связи Лу Синя с «движением 4 мая» и его культурой. Часто, когда говорят о «духе “движения 4 мая”», называют такие его основные черты, как патриотизм, прогресс, демократия, наука и т. д. Все эти черты явно воплощались в фигуре Лу Синя, и все они имеют знаковое дискурсивное и стилистическое выражение, эффект которых тесно связан с языковой средой того времени. Если отказаться от контекста и специфики дискурса того времени и относиться к «движению 4 мая» и Лу Синю с излишней эмоциональностью или с позиции критического дискурса из-за антагонистического мышления, это неизбежно приведет к непрекращающимся ошибочным толкованиям и неверным суждениям. Какими бы бурными и решительными они ни были, тщательного обдумывания они не выдержат.

Чтобы целиком и полностью осознать слова и способы выражения времени «движения 4 мая», нам необходимо вернуться к исторической языковой среде, существовавшей до начала этого движения. Автор однажды посмотрел на китайскую литературу «большой современности» с позиции культурной стратегии и особенно подчеркнул ее важность и необходимость: «Каждый раз, когда происходят серьезные исторические перемены, возникает правильность или ошибочность мышления “культурной стратегии”, и это оказывает значительное влияние на судьбу нации и развитие культуры» [15, с. 21]. Принимая во внимание положение Лу Синя в культуре Китая и его влияние, его культурная стратегия, и в особенности стратегия критики культуры, имеет исключительное значение. Объектом культурной критики Лу Синя была феодальная, полукOLONиальная культура и ее представители в реальной жизни. Часто это были диктаторы, авторитеты и люди, обладающие влиятельным голосом. Критика этой культуры и людей, имеющих отношение к власти, требовала не только понимания и стратегии, но и достаточного мужества и четкости. К счастью, стратегический выбор Лу

Синя привел его к изобретению различных «тактических приемов», из которых наиболее известен прием «окопной войны». Он писал: «В молодости нужно быть недовольным, но не пессимистичным, нужно постоянно воевать и защищаться. Если на колючки надо наступить, значит, приходится это делать, но если в этом нет нужды, то и наступать на них не следует. Это причина, по которой я выступаю за “окопную войну”, но на самом деле я просто хочу, чтоб осталось больше бойцов для новых героических свершений» [16]. Это и был как раз тот опыт, который Лу Синь сам накопил в качестве такого воина, теперь же он используется, чтобы направить молодежь к ведению «окопной войны», показать, как эффективно защитить себя и в то же время стремиться найти стратегии существования и развития в человеческом обществе. Сразу можно вспомнить его же знаменитое суждение о том, что «первое — нужно выжить, второе — наесться и обогреться, третье — развиваться». Очевидно, что в этом заложены похожие размышления о жизненных планах и актуальных мерах противодействия. В те годы тяжелые раздумья Лу Синя были направлены в основном на поднявшееся тогда идеологическое течение «сохранения древнего», которое поставило под угрозу судьбу страны и выживание простого народа, поэтому Лу Синь придавал большое значение защите права сограждан на существование и безопасности страны, подчеркивал «актуальность и первостепенность» и «временные меры». Он говорил: «Нашими главными приоритетами являются, во-первых, выжить, во-вторых, наесться и напиться, в-третьих, развиваться. Если есть те, кто препятствует этому будущему, то они будут повержены, будь то в древности или сейчас, люди или духи, древнейшие кладези мудрости “Три писания” или же “Пять книг заветов”, сотни сунских книг или тысячи юаньских, небесные сферы или мистические изображения, золотые статуи бессмертных или нефритовые Будды, или же передаваемые по наследству рецепты лекарств, мазей и эликсиров» [17, с. 45]. На основании этого отрывка кажется, что Лу Синь — человек, выступающий решительно против традиционной культуры и даже разрушающий ее, и это кажется убедительным. Но если оторваться от особой обстановки того времени и среды, в которой «защищали древность, но не людей», легко можно неверно понять это впечатляющее высказывание Лу Синя, то есть его культурную стилистику, принять его за просто необдуманное, резкое суждение, и тогда станет еще труднее ощутить его патриотизм, горячую и искреннюю любовь к жизни, а также его соображения относительно культурной стратегии и стилистики. Объективно говоря, Лу Синь жил в самый сложный, туманный, запутанный период в новой истории Китая. И даже во время «движения 4 мая» многие из тех, кто уже пробудился, как и Цзюаньшэн из рассказа «Скорбь по ушедшей», оказались в безвыходной ситуации. В этих обстоятельствах особенно нужны были твердость и упорство Лу Синя, его дух «сопротивления отчаянию», а также его невозмутимая, трезвая, яростная, прямая, решительная позиция относительно реалистической культуры и языковое выражение. В действительности жизненная философия Лу Синя, заключающаяся в сопротивлении отчаянию и характеризующаяся трезвым реализмом и активной жизненной позицией, — это основа его философии, и в то же

время это важное духовное наследие, оставленное Китаем XX в. (см.: [18]). Отсюда можно заключить, что он был по-настоящему непоколебимым человеком в литературных кругах, и видно рациональное зерно в известном высказывании Мао Цзэдуна о том, что «Лу Синь — самый твердый человек».

Если говорить о Лу Синь как о писателе, то он придавал особое значение публикации произведений, их распространению, включая и одобрение читателей. Тут как раз содержатся стратегические соображения о том, как в полной мере использовать и демонстрировать возможности средств массовой информации. На протяжении всей своей жизни Лу Синь был тесно связан с культурой современных печатных СМИ. Всегда сосуществовали его литературное творчество и бумажные СМИ. На самом деле можно сказать, что печатные средства массовой информации — это среда обитания образованных людей поколения Лу Синя, от которой никуда не деться. Даже там, где человек не мог присутствовать лично, бумажные СМИ делали возможным такое «присутствие» и позволяли играть важную роль. Например, мы можем рассматривать такие феномены культурной коммуникации, как «Лу Синь в Яньане», «Лу Синь в России» с точки зрения символизации и медиатизации. Много времени в своей жизни Лу Синь посвятил редактированию журналов или контактам с издательствами. У него также было много псевдонимов, которые он использовал в своем творчестве, это была свойственная образованным людям того времени стратегия «иносказания» и «самозащиты», главной целью которой было пройти рецензирование в периодическом издании и добиться успешной публикации. Для лучшего развития просветительской функции культуры Лу Синь искусно использовал фольклорные явления и образы в качестве стилистического решения. Например, в рассказе «Моление о счастье» он пишет о таких двух явлениях народной культуры, как «пожертвование на доску для порога» и «жертвоприношение предкам в канун Нового года», эти явления глубоко показывают, что феодальная культура «безмолвно землю влагой поит» и действительно «над пустынной дорогой нависли черные облака». Культура невежественного народа пронизывает повседневную жизнь людей, народными верованиями она разъедает жизнеспособность деревенских женщин. Здесь показаны глубокие печаль и возмущение Лу Синя.

Люди, углубленно изучающие творчество Лу Синя, обнаруживают в созданной им квинтэссенции культуры такие значительные мысли и дух культуры, что невольно начинают уважительно называть его «энциклопедией», а соответствующие исследования — «лусиневедение» [19]. Расцвет «лусиневедения» неразрывно связан со стремлением китайского народа к культуре «большой современности». Что касается такого человека, как Лу Синь, имевшего отношение к идеологии и культуре, он принял их древние, современные, китайские и иностранные ресурсы, с которыми соприкасался, и сформировал свою собственную идеологию культуры путем творческой интеграции и адаптирования. Источники единственной культуры не могли помочь Лу Синю, а при линейном или антагонистическом мышлении в понимании Лу Синя неизбежно возникнут неточности. Именно синтез разных видов культур помог Лу Синю, тем самым предоставив

возможность «лусиневедению» выйти на мировую арену. Совершенно очевидно, что культурный кругозор Лу Синя очень широк, в его творчестве, и особенно в эссе, содержатся рассуждения о китайском и иностранном, большом и малом, древнем и современном, мужском и женском, прекрасном и уродливом, хорошем и плохом, старом и молодом и т. п. У писателя гибкий ум, он умеет делать острый анализ, затрагивает в своих произведениях разные вопросы, пронзает взором тысячелетия. Несомненно, рассматривать Лу Синя как инициатора, создателя «постдревней», то есть «большой современной» культуры и в частности литературы (не ограничивающейся культурой и литературой «движения 4 мая»), — это реалистичный подход. Мы можем назвать Лу Синя, являющегося человеком культуры «большой современности», «великим Лу Синем», «великим учителем». Автор данной статьи полагает, что если рассматривать его с точки зрения культуры «большой современности», то следует позволить выражать разные мнения. Такие сложные и богатые идеями деятели культуры всегда вызывают много споров, что также формирует различные культурные явления и важные моменты. Таковыми являются исследования, посвященные Лу Синю, и «культура Лу Синя». Это подтверждается тем, что в последнее время был создан ряд институтов изучения Лу Синя, таких как Институт изучения Лу Синя при Академии искусств и наук г. Шаосина, Институт изучения Лу Синя и мировой литературы при Пекинском университете языка и культуры, Центр изучения Лу Синя при Пекинском педагогическом университете. В рассказе «Родина» Лу Синь писал, что надежда «...как дорога: сейчас ее нет, а люди пройдут — и протопчут». По мнению автора, Лу Синь — самый усердный человек, искавший пути и прокладывавший дорогу для создания культуры «большой современности». Он не только искал и прокладывал путь, он также шел по дороге, старательно сажая деревья; он не только воспитывал и формировал людей, но и возвращал культуру и создавал образы; на основе «трех принципов» людей традиционной культуры он создал мир жизни современного образованного человека с «новыми тремя принципами» [20]. За время не такой уж долгой жизни он достиг ее высшего предела. Недавно одна научная сотрудница, принимавшая участие в создании в 2016–2020-х годах «Отчета о развитии дисциплины “Китайский язык”», сказала, что писатель, с которым она больше всего мечтала бы встретиться, — это, должно быть, Лу Синь. Она обнаружила, что многие люди в академических кругах, не сговариваясь, так же упоминали о нем, а одним из популярных направлений исследований является изучение его наследия: «Постоянно появляются люди, которые говорят о Лу Синем с разных позиций. Он дал нам особый взгляд на свою эпоху, предоставил богатейшие ресурсы для толкования человеческой жизни, нам действительно следует поблагодарить его и уделить ему повышенное внимание. Мне кажется, что мы все больше стремимся стать ближе к Лу Синю, и с каждым днем он все больше, как дым, просачивается в нашу жизнь, становясь способом дискурса. Только такой Лу Синь может стать настоящей силой. Как его понять — это, вероятно, по-прежнему является эпохальной задачей» [21]. И еще более эпохальная задача — распространить знания о Лу Синем по всему миру.

Она согласуется с главными задачами государства: «Чтобы помочь миру лучше узнать и понять Китай, необходимо глубоко понимать китайскую цивилизацию и, соединяя историю, современность, теорию и практику, подробно объяснять, как лучше придерживаться китайского пути, развивать китайский дух и консолидировать силу Китая» [22]. Лу Синь был выдающимся представителем образованных людей «великой современности», или «постдревности», его осознанное заимствование и интеграция, идеи и методы, стратегия и стилистика, а также постоянные усилия академических кругов, изучающих его, — все это, несомненно, сыграло важную роль в активном продвижении творческой трансформации и инновационном развитии прекрасной традиционной культуры Китая.

Литература

1. 葛涛. 鲁迅文化史. 东方出版社. 2007年. [Гэ Тао. История культуры Лу Синя. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 2007.] (На кит. яз.)
2. 鲁迅. 鲁迅全集. 第6卷. 人民文学出版社. 1981年. [Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 6. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1981.] (На кит. яз.)
3. 鲁迅. 鲁迅全集. 第1卷. 人民文学出版社. 1981年. [Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 1. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1981.] (На кит. яз.)
4. 李继凯. 文化的巨人, 方法的典范——论鲁迅的文化研究方法论思想 // 鲁迅研究月刊. 1992年, 第6期. [Ли Цзикай. Культурный гигант, образец метода — об идеях Лу Синя о методологии исследования культуры // Ежемесячный журнал «Исследования Лу Синя». 1992. № 6.] (На кит. яз.)
5. 李继凯. “文化磨合思潮” 与大现代中国文学 // 中国高校社会科学. 2019年, 第4期. [Ли Цзикай. «Идейное веяние интеграции культур» и китайская литература «большой современности» // Социальные науки в китайских вузах. 2019. № 4.] (На кит. яз.)
6. 毛泽东. 毛泽东选集. 第2卷. 人民出版社. 1991年. [Мао Цзэдун. Избранные труды Мао Цзэдуна. Т. 2. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1991.] (На кит. яз.)
7. 鲁迅. 鲁迅全集. 第7卷. 人民文学出版社. 1981年. [Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 7. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1981.] (На кит. яз.)
8. 于文秀. 鲁迅与俄罗斯文学 // 光明日报. 2019年9月5日. [Юй Вэньсю. Лу Синь и русская литература // Гуанмин жибао. 05.09.2019.] (На кит. яз.)
9. 鲁迅. 鲁迅全集. 第3卷. 人民文学出版社. 2005年. [Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005.] (На кит. яз.)
10. 李继凯. 全人视界中的观照. 中国社会科学出版社. 2006年. [Ли Цзикай. Наблюдение через призму целостного человека. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2006.] (На кит. яз.)
11. 李继凯. 20世纪中国文学的文化创造. 中国社会科学出版社, 2009年. [Ли Цзикай. Созидание культуры в китайской литературе XX века. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2009.] (На кит. яз.)
12. 李继凯. 鲁迅:现代中华民族魂 // 鲁迅研究月刊. 2018年第3期. [Ли Цзикай. Душа современной китайской нации // Ежемесячный журнал «Изучение Лу Синя». 2018. № 3.] (На кит. яз.)
13. 李继凯. 论鲁迅与中国书法文化 // 华中师范大学学报. 2010年第3期. [Ли Цзикай. Лу Синь и культура китайской каллиграфии // Журнал Педагогического университета Центрального Китая. 2010. № 3.] (На кит. яз.)

14. 李继凯、赵京华等主编. 言说不尽的鲁迅与五四 // 鲁迅与五四新文化运动学术研讨会论文集. 中国社会科学出版社. 2011年. [Ли Цзикай, Чжао Цзинхуа. Неисчерпаемый Лу Синь и «движение 4 мая» // Материалы научной конференции, посвященной Лу Синю и «движению 4 мая» за новую культуру. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2011.] (На кит. яз.)
15. 李继凯. 从文化策略视角看“大现代中国文学 // 文艺争鸣. 2019年第4期. [Ли Цзикай. Взгляд на китайскую литературу «большой современности» с точки зрения культурной стратегии // Литературная полемика. 2019. № 4.] (На кит. яз.)
16. 鲁迅. 鲁迅全集. 第11卷. 人民文学出版社. 2005年. [Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 11. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005.] (На кит. яз.)
17. 鲁迅. 鲁迅全集. 第3卷. 人民文学出版社. 1981年. [Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1981.] (На кит. яз.)
18. 钱理群. 我们为什么需要鲁迅? // 时代人物. 2016年第10期. [Цянь Лицзюнь. Почему нам нужен Лу Синь? // Человек эпохи. 2016. № 10.] (На кит. яз.)
19. 李文兵. <鲁迅大辞典>——一部学研鲁迅的“百科全书” // 瞭望周刊. 1985年第5期. [Ли Вэньбин. «Словарь Лу Синя» — «энциклопедия» для изучения Лу Синя // Ляован. 1985. № 5.] (На кит. яз.)
20. 李继凯. 略论鲁迅的“新三立”和“不朽” // 鲁迅研究月刊. 2013年第9期. [Ли Цзикай. Коротко о «трех новых принципах» Лу Синя и его «бессмертия» // Ежемесячный журнал «Изучение Лу Синя». 2013. № 9.] (На кит. яз.)
21. 杜桂萍. 杜桂萍谈枕边书 // 中华读书报. 2021年5月11日. [Ду Гуйпин. Ду Гуйпин рассуждает о книге на подушке // Чжунхуа душу бао. 11.05.2021.] (На кит. яз.)
22. 习近平. 习近平给<文史哲>编辑部全体编辑人员的回信. [Си Цзиньпин. Ответное письмо Си Цзиньпина всем членам редакции журнала «Литература, история и философия».] URL: http://www.xinhuanet.com/2021-05/10/c_1127428330.htm (дата обращения: 07.06.2021).

References

1. Ge Tao. *Lu Xun's culture history*. Beijing, Dongfang chubanshe, 2007. (In Chinese)
2. Lu Xun. *Complete Works of Lu Xun*. Vol. 6. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 1981. (In Chinese)
3. Lu Xun. *Complete Works of Lu Xun*. Vol. 1. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 1981. (In Chinese)
4. Li Jikai. Giant of culture, model of method — On Lu Xun's methodology of cultural research. *Lu Xun yanjiu yuekan*. 1992. No. 6. (In Chinese)
5. Li Jikai. “The trend of cultural running-in” and modern Chinese Literature. *Zhongguo gaoxiao shehui kexue*. 2019. No. 4. (In Chinese)
6. Mao Zedong. *Mao Zedong's Selected Works*. Vol. 2. Beijing, Renmin chubanshe, 1991. (In Chinese)
7. Lu Xun. *Complete Works of Lu Xun*. Vol. 7. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 1981. (In Chinese)
8. Ding Xiuwen. Lu Xun and Russian literature. *Guangming ribao*, 05.09.2019. (In Chinese)
9. Lu Xun. *Complete Works of Lu Xun*. Vol. 3. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005. (In Chinese)
10. Li Jikai. *Reflection in the whole human perspective*. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2006. (In Chinese)

11. Li Jikai. *The cultural creation of Chinese literature in the 20th century*. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2009. (In Chinese)
12. Li Jikai. Lu Xun: the soul of modern Chinese nation. *Lu Xun yanjiu yuekan*. 2018. No. 3. (In Chinese)
13. Li Jikai. On Lu Xun and Chinese Calligraphy Culture. *Huazhon shifandaxue xuebao*. 2010. No. 3. (In Chinese)
14. Li Jikai, Zhao Jinghua. Lu Xun and the May Fourth Movement. *Proceedings of the Symposium on Lu Xun and the May 4th New Culture Movement*. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2011. (In Chinese)
15. Li Jikai. On “great modern Chinese literature” from the perspective of cultural strategy. *Wen yi zheng ming*. 2019. No. 4. (In Chinese)
16. Lu Xun. *Complete Works of Lu Xun*. Vol. 11. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005. (In Chinese)
17. Lu Xun. *Complete Works of Lu Xun*. Vol. 3. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 1981. (In Chinese)
18. Qian Liqun. Why do we need Lu Xun? *Shidai renwu*. 2016. No. 10. (In Chinese)
19. Li Wenbing. Lu Xun's Dictionary: an encyclopedia for Studying Lu Xun. *Liaowang zhoukan*. 1985. No. 5. (In Chinese)
20. Li Jikai. On Lu Xun's “New three principles” and “Immortality”. *Lu Xun yanjiu yuekan*. 2013. No. 9. (In Chinese)
21. Du Guiping. Du Guiping talks about Pillow Book. *Zhonghua dushu bao*. 11.05.2021. (In Chinese)
22. Xi Jinping. *Xi Jinping's reply to all editors of the editorial department of “Literature, history and philosophy”*. URL: http://www.xinhuanet.com/2021-05/10/c_1127428330.htm (accessed: 07.06.2021).